

ПОРТРЕТ

Клоунесса

Обязан 100% -
1995 - 25-31 мая -
411

Владимир СУВОРОВ

Ее зовут Камий Кайоль. Для русского слуха странно — весело и печально. Имя, похожее на сценический псевдоним.

— Почему странно? Обычное французское имя. Мужское. Так звали моего дедушку, — она пишет «Camille» на коробке «Житан». — Сначала я, правда, переживала, что оно мужское, надо мной даже в школе смеялись. А теперь это имя стало модным. После выхода фильма о любовнице Родена, Камилле Клодель, с Изабель Аджани.

За странным именем не менее странная судьба — французской девочкой, которая решила стать русской актрисой.

— Я всегда хотела быть актрисой, но не знала, как это случится.

Девочка учила латинский язык и французскую литературу. Слушала лекции в Сорбонне. И две семьи, мамина и папина (родители Камий разошлись), были уверены, что она станет филологом. Не зная русского языка, но имея русских друзей, она неожиданно все бросила и уехала в Москву.

— О! Сначала дома был страшный скандал. Но потом родители как-то смирились. Может быть, потому что в молодости они были хиппи?.. Теперь мама звонит в Москву и строгим голосом спрашивает, когда же я приеду из «своей Москвы» домой.

— Но почему все-таки Москва?

— Это было так далеко от меня. Совсем другая жизнь. Совсем незнакомая. Может быть, немного романтики. Знаете, иногда надо уйти, убежать, все бросить, чтобы найти себя...

Она стала первой студенткой-иностранкой в Школе-студии МХАТ на курсе О. Табакова. На экзамене читала Бодлера и играла Сашеньку из чеховского «Иванова» по-французски. Поначалу многим, даже ее однокурсникам, казалось, что Москва — просто каприз. Но постепенно все поняли, что авантюра этой парижанки слишком много для нее значит. Первым, кто принял ее всерьез и помог осознать себя и в профессии и в чужой языковой среде, был ее педагог М. Лобанов. За пять лет в Москве ее мечта приблизилась, а язык она выучила как дай Бог каждому.

— Я даже сны вижу по-русски! Думаю? Тоже по-русски. Самой удивительно.

В ней мало того, что мы подразумеваем под парижским шиком. И в ней ничего от того, что Станиславский, сердясь, величал каботинством. Она не умеет врать — это сразу бросается в глаза. Не умеет делать хорошую мину при плохой игре, носить маску, когда этого требуют обстоятельства. Она не знает таких обстоятельств.

— Сколько вам лет?

— Мне? 24... Но я чувствую, что 17.

Она умеет жить нигде и никак. Жить, не загоняя судьбу. Скитаться. Переезжать с места на место и не испытывать при этом тревоги. Даже присев на краешек чужого стола, ощущать домашний уют. Греть руки и улыбаться, обхватив чашку горячего чая. И работать. На ее лице одинаково легко и смело можно нарисовать и комедию, и трагедию. Это лицо клоунессы.

— Что бы вы хотели сыграть?

Задавая этот в общем банальный вопрос, сама же фантазирую и отвечаю. Наверное, у нее бы получилась Шарлотта из «Вишневого сада». И рыжая Шурка Булычева. И та самая Сашенька из «Иванова». И Жанна д'Арк, «жаворонок» Ануя, и шекспировская Офелия, и стриндберговская фрекен Жюли, и...

— Не знаю. Мне все равно, что играть. То есть, конечно, нет. Все зависит от режиссера, от того, что он мне предложит... Я просто хочу играть.

— А жить?

— Но это в сто раз интереснее! И почему же это не жизнь? Мне доставляет такое удовольствие сам процесс игры! Ну а если еще и получается... В жизни такое нельзя пережить. Просто не успеешь, — потом, помолчав, и чтобы уж совсем меня не разочаровывать: — Я бы хотела сыграть Аглаю из «Идиота». Мне кажется, я ее понимаю.

Она не рисует, не старается показаться лучше, чем есть. И в том, как без конца она твердит слово «работа», нет ни позы, ни пафоса, ни надрыва. Разве что азарт молодой натуры.

В студии Олега Табакова у нее несколько маленьких ролей. В студии «Человек» — одна большая. Именно ее режиссер Людмила Рошкован выбрала

играть «Ночные бдения» Бонавентуры, философский роман, авторство которого специалисты (правда, не совсем уверенно) приписывают Шеллину.

«Ночные бдения» — спектакль мерцающий, призрачный, рассыпающийся в памяти. В двух словах — о творчестве и творце, роли и жизни, создателе и его создании, игре и смерти. Возможно, потому, что для Камий Кайоль работа и жизнь пока едины, ей так легко ступать по этим раскаленным угольям. Ее героиня — это девушка без прошлого и без будущего, девушка-грёза, девушка-сон. Поначалу она похожа на куклу-марионетку, очаровательную, но холодную Коломбину. Обрывая листки с увядающей розы, она пытается ожить. Найти слова, чтобы выразить переполняющие ее чувства. Ее кукольное личико вдруг искажается гримасой истинной боли и ужаса — от потери, от неизбежности. Ее картонные ручки вдруг взлетают, как крылья бабочки, «летучего цветка». Из недр ее сердца рвется тоска по любви. Но слова никак не находятся. Кончики рта вьются книзу, а на ресницах повисают слезы. Коломбина думает, упорно и упрямо, слышит, как шевелятся ее мысли и, наконец, преодолевают немоту... детской французской считалочкой. И уже радостно переливаются слова в плавное течение русского стиха, и снова во французскую колыбельную, и, наконец, тормозят перед страшным признанием уже не куклы, а живого человека: «Ты — реплика в моей роли, и я не могу тебя вырвать, как не могу вырвать листов из пьесы, где записана моя любовь к тебе. Если уж нельзя мне добраться до себя самой, перечитать роль в обратном порядке, придется дочитать ее до конца. Тогда я скажу, существует ли что-нибудь, кроме роли, живет ли «я» и любит ли тебя».

Роль русской актрисы французженки Камий Кайоль только начинает читаться. Доберется ли она до самой себя? Дочитает ли ее до конца? Девочка с мужским именем и, судя по всему, с мужским характером.

Наталья КАЗЬМИНА